

ПРОСТРАНСТВО

ПРОБУЖДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА

ВОЙНА КАЛИБАНА

ВРАТА АБАДДОНА

ПОЖАР СИБОЛЫ

ИГРЫ НЕМЕЗИДЫ

ПЕПЕЛ ВАВИЛОНА

ВОССТАНИЕ ПЕРСЕПОЛИСА

ГНЕВ ТИАМАТ

ПАДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА

ЛЕГИОН ПАМЯТИ

— П Р О С Т Р А Н С Т В О —

**ДЖЕЙМС С. А.
КОРИ**

**ЛЕГИОН
ПАМЯТИ**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 66

James S. A. Corey
MEMORY'S LEGION
Copyright © 2022 by Daniel Abraham and Ty Franck
THE LAST FLIGHT OF THE CASSANDRA
Copyright © 2019 by Daniel Abraham and Ty Franck
Published in agreement with the author,
c/o BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.
All rights reserved

Перевод с английского Галины Соловьевой
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Татьяны Павловой

Кори Дж. С. А.

К 66 Пространство. Легион памяти : повести, рассказы / Джеймс С. А. Кори ; пер. с англ. Г. Соловьевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 512 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-28642-9

Как был создан двигатель Эпштейна, позволивший человечеству расселиться по Галактике? За что Фреда Джонсона прозвали Палачом станции Андерсон? Кем был Амос Бартон в криминальной экосистеме Балтимора и кем он стал, покинув ее?

«Легион памяти» — десятая книга цикла «Пространство», признанного одним из крупнейших явлений десятилетия. Это сборник повестей и рассказов, расширяющий созданную Джеймсом С. А. Кори вселенную. Книга дополнена рассказом «Последний полет „Кассандры“», впервые опубликованным в руководстве по ролевой игре «Пространство».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-28642-9

© Г. В. Соловьева, перевод, 2022, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ДВИГАТЕЛЬ

Ускорение бросает Соломона на спинку капитанского кресла и тяжело наваливается на грудь. Правая рука падает на живот, левая — на обивку подголовника около уха. Лодыжки вдавливаются в подножку. Это как удар, как будто чья-то агрессия. Мозг, продукт миллионов лет примитивной эволюции, к такому не готов. Он принимает это за атаку, потом — за падение, потом — за страшный сон. Яхта — не продукт эволюции. Ее сигнал тревоги — строго информационное устройство. Кстати, мы ускоряемся на четырех гравитационных. Пять. Шесть. Семь. Больше семи. На экране наружной камеры проносится Фобос, а дальше — только звездное поле, неизменное с виду, как неподвижный кадр.

Только через пять минут до него доходит, что это было, и тогда он пытается улыбнуться. Натруженное сердце от восторга начинает биться еще чуть быстрее.

Отделка яхты в кремовых и оранжевых тонах. Панель управления — простой сенсорной модели. Поверхность по углам поблекла от старости. Не нарядно, зато функционально. Основательно. Вспыхивает тревожная лампочка — нет сигнала от восстановителя во-

ды. Соломона это не удивляет — восстановитель не входит в спецификацию, — однако он перебирает в уме возможные причины отключения. Предположительно, перегрузка, направленная вдоль основной оси корпуса, повредила клапан резервуара — после испытания надо будет проверить. Соломон пробует пошевелить рукой и поражается ее тяжести. Рука у человека весит граммов триста. Даже при семи g — чуть больше двух кило. Вполне можно поднять. Он толкает руку к приборной панели, мышцы дрожат от напряжения. Он прикидывает, сколько сверх семи g успел набрать. Все сенсоры заблокированы, придется проводить расчет после испытания. Время на разгон, конечная скорость — простейшая арифметика, тут и ребенок бы справился. Соломон не тревожится. Снова толкает руку к панели — напрягая уже все силы, — и в локте что-то влажно, болезненно сдвигается.

Упс! Он бы скрипнул зубами, но это не проще, чем улыбнуться. Нескладно получилось. Если не отключить двигатель, придется ждать, пока выгорит топливо, и звать потом на помощь. А с помощью будет туго. Неизвестно точно, на какое ускорение вышла яхта, но спасателям долго придется ее догонять. Указатель топлива — простое цифровое табло в нижнем левом углу панели, зеленое на черном. Трудно сфокусировать на нем взгляд. Перегрузка деформирует глазные яблоки. Технологический астигматизм. Соломон щурится. Яхта предназначена для долгих рывков, а баки у него были заполнены на девяносто девять процентов. Сейчас табло показывает десять минут разгона. А на счетчике топлива — девяносто восемь и шесть десятых. Не может быть!

Через две минуты цифры сменяются на пять десятых. Еще две с половиной минуты — четыре десятых. При таком расходе топлива хватит на тридцать семь часов и конечная скорость немного недотянет до пяти процентов световой.

Соломон начинает нервничать.

Он встретил ее десять лет назад. В научном центре Данбад-Нова — одном из крупнейших на Марсе. Три поколения колонистов закапывались в каменистую землю нового дома для человечества: прогресс науки, знания и культуры дошел до того, что подземный город мог себе позволить пять баров — пусть даже один из них был безалкогольным заведением, в котором толклись джайнисты и возрожденные христиане. Остальные четыре продавали алкоголь и кушанья — точь-в-точь такие же, как в пункте питания, разве что ужин украшала музыкальная лента и встроенный монитор, круглосуточно транслировавший развлекательные программы с Земли. Соломон встречался здесь со своими кадрами два-три раза в неделю, если работы в центре было не слишком много.

Обычно народу в компании набиралось меньше дюжины. В тот день это были Тори и Радж из проекта по выведению воды на поверхность, Вольтер, которую по-настоящему звали Эдит, Джулио с Карлом и Малик — они работали в группе антираковой терапии. И Соломон. Марс, как говорится, самый тесный городишко в Солнечной системе. На нем редко встретишь новое лицо. Но сегодня оно появилось.

Она села рядом с Маликом. Темные волосы, на лице написано терпение. Черты островаты для классической

красавицы, и на предплечьях темные волоски. При таких генах женщины после тридцати пяти вечно борются с усиками над верхней губой. Соломон не верил в любовь с первого взгляда, но, едва новенькая подсе- ла к столу, сразу вспомнил, что с утра толком не при- чесался и у рубашки рукава длинноваты.

— Марс и есть Америка, — широко взмахнул пив- ной кружкой Тори. — Точь-в-точь.

— Вовсе не Америка, — возразил Малик.

— Не та, что теперь. Какой она была в начале. Вспомни, сколько занимал путь из Европы до Север- ной Америки в шестнадцатом веке. Два месяца. Сколь- ко досюда от Земли? Четыре. Даже дольше, смотря по расположению на орбите.

— Вот и первое отличие от Америки, — сухо вста- вил Малик.

— Ну, порядок величины тот же, — упорствовал Тори. — Я к тому, что для политиков расстояние из- меряется временем. Мы в месяцах пути от Земли. Они там до сих пор считают нас чем-то вроде затерянной колонии. Как будто мы перед ними в ответе. Вот сколь- ко среди нас, сидящих за этим столом, получают указа- ния от людей, в жизни не вылезавших из гравитацион- ного колодца, но воображающих, что понимают, в ка- ком направлении нам двигаться?

Тори первым поднял руку, за ним Радж, Вольтер. Карл. Нехотя — Малик. Тори самодовольно усмех- нулся.

— Кто занимается настоящей наукой? — продол- жал он. — Мы. Наши корабли новее и лучше. Наши разработки экосистем на доброе десятилетие обогнали все, что есть на Земле. В прошлом году мы вышли на самообеспечение.

— Не верю, — перебила Вольтер.

Новенькая пока молчала, но Соломон видел, как внимательно она слушает каждого говорящего. Он смотрел, как она слушает.

— Даже если мы еще нуждаемся кое в чем с Земли, то можем за это заплатить. Черт, дайте нам несколько лет, и наши шахтеры вытеснят их из Пояса, — разглагольствовал Тори, отступая от последнего утверждения только ради того, чтобы выдвинуть новое, столь же невероятное. — Я же не говорю, что надо полностью разорвать дипломатические отношения.

— Нет, — кивнул Малик, — но клонишь к тому, что нам следует объявить о своей политической независимости.

— Забегая вперед — так и есть, — признал Тори. — Потому что расстояние измеряется временем.

— А связность мысли — пивом, — вставила Вольтер, в точности копируя интонацию Тори.

Новенькая улыбнулась.

— Предположим даже, что нам нечего терять, кроме своих цепей, — сказал Малик, — но стоит ли возиться? Де-факто у нас и так есть собственное правительство. Подчеркивая это, мы только замутим воду.

— А ты думаешь, Земля ничего не замечает? — спросил Тори. — Думаешь, ребята в лабораториях на Луне и в Сан-Пауло не говорят, поглядывая в небо: «Вон та красная точка пинает нас в задницу»? Они ревнивы и завистливы — и не зря. Я только об этом и говорю. Если мы сделаем что-то по-своему, у нас будут месяцы форы до их первой реакции. Англия потеряла американские колонии, потому что управлять с шестидесятидневной задержкой невозможно. Тем более — со стол двадцатидневной.

— Ну, — сухо напомнила Вольтер, — были еще французы.

— И очень хорошо, что потеряла, — словно не услышав ее, продолжал Тори, — потому что кто вставил свое слово, когда наци застучали в ворота Англии? Разве я не прав?

— Гм, — подал голос Соломон. — Вообще-то, нет. Ты зашел совсем не с той стороны. На самом деле мы — Германия.

Как только он заговорил, взгляд новенькой обратился к нему. Соломон почувствовал, как перехватило горло, и поспешно отхлебнул пива. Теперь голос будет срываться, словно ему снова четырнадцать. Вольтер поставила локти на стол, обхватила щеки смуглыми ладонями и подняла брови, всем видом требуя: «Докажи!»

— Ладно. — Малик сразу забыл о разногласиях с Тори. — Беру наживку. Чем это мы похожи на палачей-фашистов?

— Тем, как будем драться, — ответил Соломон. — У Германии была самая передовая наука — как и у нас. И лучшая техника. Ракеты. Ни у кого не было ракет, а у них да. Один нацистский танк мог подавить пять танков союзников. Просто они оказались лучше. По конструкции, по исполнению. Немцы ценили науку и ученых, поэтому были тонкими и умными.

— Если не считать расизма и геноцида, — вставил Джулио.

— Да, если не считать, — согласился Соломон. — Только они проиграли. У них было техническое превосходство, совсем как у нас. Но они проиграли.

— Потому что были безумными психопатами, — сказал Джулио.

— Нет, — покачал головой Соломон. — То есть были, но история знает фашистов и психопатов, которые побеждали в войнах. Они проиграли потому, что, хотя танки у них были лучше, на каждый танк, выпущенный Германией, Америка выпускала десять. У нее была громадная индустриальная база, а что конструкцией они уступали — кому какое дело? У Земли тоже есть развитая промышленность. И люди. Пусть, чтобы добраться сюда, у них уйдут месяцы или даже годы, но, когда они доберутся, мы не сможем совладать с такими полчищами. Передовая техника — это замечательно, но пока мы строим свои лучшие образцы из сырья, доставленного раньше. Чтобы перебить демографическое преимущество Земли, нам нужна новая парадигма.

— Объявляю «новую парадигму» девизом этого вечера, — подняла руку Вольтер.

— Поддерживаю, — согласился Джулио.

Соломон почувствовал, как жар ползет от шеи к щекам.

— Все согласны?

Ей ответил дружный хор.

— Решено, — провозгласила Вольтер. — Кто-нибудь, поставьте этому человеку еще пива.

Разговор, как обычно бывает, перешел на другое. От политики и истории — к искусству и инжинирингу тонких структур. Главный спор в этот вечер завязался о превосходстве пучков нанотрубок над узелками при конструировании искусственной мускулатуры. Под конец обе стороны дошли до оскорбления словом. Впрочем, спор велся в добродушных тонах, искренних или притворных, не столь важно. Встроенный монитор переключился на музыкальную передачу из маленького

селения в Сирии — вой и медный гром раджи вплетались в классические европейские напевы. Именно такую музыку предпочитал Соломон — потому что она была насыщенной и интеллектуальной и никто не звал под нее танцевать. Половину вечера он просидел рядом с Карлом, толковавшим о повышении КПД за счет подачи топлива. На новенькую он старался не смотреть. Когда та пересела от Малика к Вольтер, сердце у него подскочило: может, она пришла не с Маликом? — и тут же упало: а вдруг она лесбиянка? Казалось, лет десять свалилось у него с плеч — такого гормонального взрыва он не переживал с младших курсов университета. Соломон твердо решил забыть о существовании новенькой. Если она перевелась в центр на работу, еще будет время выяснить, кто она такая, и найти предлог для разговора так, чтобы не выглядеть отчаявшимся и одиноким. А если она просто с визитом, то нечего о ней и думать. И все-таки он часто поглядывал на нее, просто чтобы не потерять из виду.

Радж ушел первым — как всегда. Он состоял в совете по развитию, а это означало, вдобавок к обычной работе инженера, еще и бесконечные совещания. Если проект терраформирования однажды заработает, в нем будет немало интеллектуальной ДНК Раджа. За ним ушли Джулио рука об руку с Карлом — оба подвыпили и разнежились. Карл все старался примостить голову на плечо Джулио. Остались только Малик, Вольтер и Тори. Теперь не замечать новенькую стало труднее. Соломон собрался было уходить, но задержался в галюне и побрел обратно, сам не зная зачем. «Как только уйдет новенькая, — сказал он себе. — Посмотрю, с кем она уйдет, и буду знать, кого о ней расспра-

шивать. Или, если она уйдет с Вольтер, не расспрашивать. Обычный сбор данных, только и всего».

Когда монитор переключился на первую утреннюю программу новостей, пришлось признать, что все это чушь. Соломон помахал на прощание — теперь уже всерьез, — запихнул руки в карманы и направился в главный коридор.

Из-за инженерных сложностей в строительстве куполов и полного отсутствия у Марса магнитосферы все жилые помещения располагались глубоко под землей. Большие коридоры были высотой в четыре метра, светодиодки изменяли температуру и освещенность согласно времени суток, и все же Соломона иногда мучила атавистическая тоска по небу. По ощущению открытого пространства и, пожалуй, по возможности хоть раз в жизни выбраться из склепа.

Ее голос догнал его сзади:

— Эй, алло?

Она шла свободной перекатывающейся походкой. Улыбалась тепло, разве что малость настороженно. Выйдя из полутемного бара, он разглядел светлые полосы в ее волосах.

— А, привет.

— Мы там так и не познакомились. — Она протянула руку. — Кэйтлин Эсквибель.

Соломон взял ее ладонь, коротко встряхнул, как было принято у них в центре.

— Соломон Эпштейн.

— Соломон Эпштейн? — повторила она, шагнув вперед. Само собой получилось, что они пошли рядом. Вместе. — И что же милый еврейский мальчик делает на такой планете?

Не будь он выпивши, просто отшутился бы, а так...

— В основном набираюсь храбрости с тобой познаться, — ответил он.

— Я вроде как заметила.

— Надеюсь, я был очарователен.

— Лучше, чем твой дружок Малик. Он не упустил случая потрогать меня за руку. Ну да ладно. Я работаю в управлении ресурсов, на Группу взаимных интересов Квиковски. Всего месяц как с Луны. Вот то, что ты говорил про Марс с Землей и Америку... Это было интересно.

— Спасибо, — сказал Соломон. — Я продвигаю движки в Масстехе.

— «Продвигаю движки»... — повторила она. — Звучит как тавтология.

— А мне всегда казалось пошловатым: «спец по тяге», — ответил он. — Ты надолго на Марс?

— До самого отлета. Открытый контракт. А ты?

— А я здесь родился, — сказал он, — и, наверно, здесь и умру.

Она с насмешливой улыбкой окинула взглядом его длинную тощую фигуру. Конечно, сразу видно, что он здесь родился. Этого не скроешь. Слова показались ему дешевым хвастовством.

— Человек компании, — выдала она как шутку, предназначенную для двоих.

— Марсианин.

«Аренда каров» предлагала на выбор несколько побитых электромобилей. Соломон достал свою карточку, помахал перед восьмеркой. Считывающее устройство разобрало сигнал, и огонек перед первым каром в ряду переключился с янтарного на зеленый. Соломон

вывел его и только тогда сообразил, что колеса ему не нужны.

— Ты... — заговорил он, прокашлялся и начал заново: — Ты бы не зашла ко мне домой?

Он так и видел, как в ее мозгу формируется ответ: «Конечно. Почему бы и нет?» Он проследил его движение к губам. Ответ был уже так близко, что притягивал кровь в его жилах, как Луна — воды океанов. Но в последний момент мысль свернула в сторону. Кэйтлин мотнула головой — не столько отказываясь, сколько удивляясь себе. Но улыбнулась. Правда, улыбнулась.

— Уж очень ты торопишься, Сол.

Дело не в скорости. Если ни на что не налетать, скорость — это просто скорость: можно двигаться со скоростью света и пребывать в невесомости. Его плющит ускорение. Изменение. С каждой секундой он движется на шестьдесят восемь метров в секунду быстрее, чем секунду назад. А то и больше. Похоже, больше.

Вообще-то, и ускорение не проблема. Корабли на первых химических ракетах могли разгоняться на пятнадцать, а то и двадцати g . Мощности всегда хватает. Проблема в эффективности двигателя. В отношении тяги к массе, когда большая часть твоей массы — топливо, уходящее на развитие тяги. Долю секунды тело может выдержать ускорение больше ста g — и выжить. Соломона убивает продолжительность ускорения. Оно длится уже не первый час.

Пошли аварийные отключения. Если начнет перегреваться реактор или магнитная ловушка, двигатель вырубится. Предусмотрены отключения при разных типах аварий, но пока все работает. Все в полном порядке. То-то и плохо, это его и убивает.

На панели есть и ручное отключение. На иконке изображена большая красная кнопка. Только коснуться ее, и все в порядке. Но до нее не достать. Радость ушла без следа. Вместо восторга — паника и нарастающая, сокрушительная боль. Если бы дотянуться до панели! Или пусть что-нибудь, хоть что-нибудь откажет.

Ни одного отказа. Соломон борется за каждый вдох, дышит так, как показывал инструктор спасательной службы. Если потеряет сознание — больше не вернется, а на краю зрения уже наползают темные пятна. Если не найти выхода, он здесь и умрет. В этом кресле, с прикованными руками и сползающим с головы скальпом. В кармане ручной терминал — давит так, словно в бедро норовят воткнуть тупой нож. Соломон пытается вспомнить массу ручного терминала. Не получается. Он тянет в себя воздух.

Ручной терминал! Если дотянуться до него, если достать, можно послать сигнал Кэйтлин. Может, она выйдет на дистанционное управление и отключит двигатель. Рука, лежащая на животе, тяжело продавлиывает брюшину. Зато от руки до кармана всего несколько сантиметров. Соломон толкает так, что трещат кости и сдвигается сустав в запястье. Трение о предохранительный ремень сдирает кожу, и кровь, словно испугавшись чего-то, спешит к сиденью, но рука движется. Еще толчок, немного ближе. Кровь работает смазкой. Трение становится меньше. Рука ползет дальше. Минута за минутой. Ноготь касается твердого пластика. Все получится!

«Мощность и эффективность», — думает Соломон и, вопреки всему, на миг поддается гордости. Он это сделал. Чудесная парочка.

Сухожилия пальцев ноют, но он отталкивает ткань кармана. Чувствует, как ручной терминал выползает наружу, но не видит, потому что головы не поднять.

Через три года после первого знакомства Кэйтлин пришла к дверям его норы в три часа ночи: плачущая, испуганная и трезвая. Такого Соломон от нее не ожидал — а ведь он проводил немало времени в ее обществе. Любовниками они стали месяцев через семь после первой встречи. Любовники — это его слово. Кэйтлин таких не любила. У нее все получалось грубовато и попросту. Такой она и была. Никогда не позволяла себе искренности до конца. Соломон видел в этом эмоциональную защиту. Способ сдержатъ страх и забыть о тревожности. Он не возражал, лишь бы она иногда проводила ночи в его постели. Впрочем, если бы перестала, он бы огорчился, но тоже бы пережил. Ему нравилась усмешка, с которой Кэйтлин смотрела на мир. Как уверенно держалась — тем более что уверенность была поддельной. Словом, ему нравилось, что она такая, как есть. Так было проще.

Ее контракт дважды автоматически продлевался — Кэйтлин не использовала возможность его прервать. Когда Соломону предложили пост в группе функционального магнетизма, он среди прочего обдумывал, не разделит ли их нехватка времени. Они оба не заводили романтических связей с другими сотрудниками центра. Все словно бы признали, что они принадлежат друг другу, хотя их не связывали обещания. Соломон сказал бы, что оба они моногамны де-факто. Он бы наверняка обиделся и счел предательством, вздумай она переспать с другим, и предполагал, что она думает так же.

Но секс и дружба, доставляя немало удовольствия, не предполагали серьезной уязвимости. Поэтому Соломон удивился.

— Слышал? — спросила она.

Голос ее был хриплым и срывался. Слезы текли по щекам, уголки губ загибались вниз.

— Наверно, нет, — ответил Соломон, пропуская ее к себе.

Нора у него была стандартной планировки: первая общая комнатка позволяла готовить в ней простую еду и усадить троих гостей перед занимавшим четверть стены монитором. Дальше размещалась спальня, а за ней — стенной шкаф и ванная. На Марсе, как гласила расхожая шутка, нора человека была его замком, и ценность этого замка измерялась в пространстве для сна.

Кэйтлин рухнула на кушетку и обхватила себя руками за плечи. Соломон закрыл дверь. Он не знал, заговорить с подругой, обнять или то и другое сразу. Он чувствовал запах ее слез: они пахли солью, влагой и ее кожей. Она плакала у него на плече, пока любопытство и тревога не заставили его отказаться от роли плюшевой обезьянки.

— Ну, так что же я должен был услышать?

Она хрипло засмеялась — как закашлялась.

— ООН. Они проголосовали за разрыв договора об автономии. Их корабли берут разгон. Сорок кораблей, и все уже вышли на баллистическую кривую.

— Ох, — сказал он, а она снова расплакалась.

— Это треклятые сепессионисты. С тех пор как опубликовали свой манифест, все пошло всерьез. Можно подумать, это не шайка близоруких пидоров, мечтающих привлечь к себе внимание. А теперь они начали войну. Они не шутят, Сол. Они намерены швы-

рять в нас камни, пока мы не превратимся в углеродный слой толщиной в десяток атомов.

— На это они не пойдут. Не пойдут, — сказал он и тут же пожалел, что повторился. Прозвучало так, словно он уговаривал сам себя. — ООН не первый раз нарушает договор, и всегда это означало просто, что они претендуют на новые ресурсы. Если они разбомбят наши инфраструктуры, ресурсов им не видать. Они нас просто запугивают.

Кэйтлин подняла руку — как школьница, желающая отвечать.

— Сработало. Меня запугали.

— И речь не о сецессии, что бы они ни говорили, — продолжал Соломон. Он разгорячился и больше не повторялся. — Речь о том, что Земле не хватает лития и молибдена. Даже разработка отходов дает недостаточно. Вот и все. Это вопрос денег, Кэйт. Не будут они сбрасывать камни. Кроме того, если начнут, мы ответим тем же. Наши корабли лучше.

— Восемнадцать кораблей, — напомнила Кэйтлин. — А они к нам послали сорок и еще столько же оставили в обороне.

— Но если они пропустят хоть один... — Он не стал заканчивать мысль.

Кэйт сглотнула и вытерла щеки ладонью. Он дотянулся до противоположной стены и оторвал ей кусок полотенца.

— Ты правда что-то знаешь, — спросила она, — или просто храбришься, чтобы меня успокоить?

— Ты ждешь ответа?

Она вздохнула и прижалась к его плечу.

— Это вопрос нескольких недель, — сказал он, — а то и месяцев.

— Так-так. Если бы жить тебе оставалось четыре месяца, как бы ты их провел?

— В постели с тобой — и не вылезал бы оттуда.

Она распрямилась и поцеловала его. В поцелуе была тревожная ярость. Нет, не ярость. Искренность.

— Пойдем, — сказал он.

Разбуженный тревожным гудком терминала, он смутно осознал, что слышит этот звук уже не первую минуту. Кэйтлин свернулась рядом: глаза закрыты, рот мирно приоткрыт. Сейчас она выглядела совсем молодой. Безмятежной. Отключая сигнал, он посмотрел на часы. С одной стороны, он бессовестно опоздал на смену. С другой — теперь лишний час уже не играет роли. На экране светились два сообщения от руководителя группы. Кэйтлин забормотала и потянулась. От этого движения с нее сползла простыня. Соломон отложил терминал, сунул руку под подушку и снова уснул.

Когда он проснулся в следующий раз, она сидела, разглядывая его. Мягкость снова ушла с ее лица, но красота осталась. Он улыбнулся и переплел ее пальцы со своими.

— Пойдешь за меня замуж?

— Ох, ты что это?

— Нет, правда, выходи за меня!

— Зачем? Из-за войны, которая убьет нас и всех наших знакомых, поэтому, что ни делай, никакой разницы? Торопимся завести что-нибудь постоянное, пока всякое постоянство не выдернули у нас из-под ног?

— Вот-вот. Выйдешь за меня?

— Конечно выйду, Сол.

Свадьба была скромной. Подружкой невесты выступала Вольтер, шафером Соломона — Радж. Нашел-

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ДЖЕЙМС С. А. КОРИ
ПРОСТРАНСТВО
ЛЕГИОН ПАМЯТИ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ольга Крисько, Полина Дроздовская

Подписано в печать / Баспаға қол койылды 03.06.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 31,36. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-KNF-37753-01-R